

Х Р О Н И К А

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ НА V МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

17—23 сентября 1963 г. в Софии (Болгария) проходил V Международный съезд славистов. По количеству участников и заслушанных докладов этот съезд значительно превзошел предыдущие, в том числе и состоявшийся в 1958 г. в Москве. На IV съезде было 528 зарубежных делегатов и прочитано 260 докладов¹. В Софии присутствовало свыше 900 зарубежных делегатов и заслушано в разных секциях и подсекциях до 400 докладов. Это свидетельствует о значительном развитии всех отраслей славистики, об интересе к языкам и культуре славянских народов. От Советского Союза на съезде присутствовал 101 делегат. Было подготовлено и издано 86 докладов, из которых прочитано 56². Открыл съезд его президент академик Болгарской Академии наук В. Георгиев, который отметил большое значение съезда, приветствовал его участников и пожелал им успешной работы. Затем съезд приветствовали главы делегаций. На этом же заседании выступили с докладами Т. Павлов (Болгария) — «О методе социалистического реализма в славянских литературах» и В. В. Виноградов (СССР) — «Различия общих закономерностей развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху».

Дальнейшая работа, за исключением одного пленарного заседания, посвященного 1100-летию дела Кирилла и Мефодия, проходила в секциях и подсекциях, группированных по четырем проблемам: языковедение, литературоведение, народное творчество и историко-филологические проблемы, к которым была отнесена и этнография.

Проблемы народного поэтического творчества заняли на съезде значительное место. Если на IV съезде подсекция по славянскому народному творчеству входила в литературоведческую секцию и заслушала только 11 докладов³, то теперь это была самостоятельная секция, заслушавшая и обсудившая 34 доклада и сообщения (из них 7 докладов советских ученых). Работа секции проходила очень оживленно, на заседаниях присутствовало до 100 человек, в прениях было около 50 выступлений.

Значительно расширилась и стала разнообразнее тематика докладов. Большое внимание было уделено современному народному творчеству, которое на прошлом съезде почти не затрагивалось. Проблемам современного фольклора была посвящена большая часть докладов югославских фольклористов: Т. Чубелич, «Современное состояние югославского народного творчества», Д. Антониевич «Фольклор народов Югославии периода освободительной борьбы и социалистического строительства»; Д. Неделькович «Динамическая структура изменений в современном народном творчестве народов Югославии с особым вниманием к роли и значению рабочего фольклора»⁴; В. Смолей, «Некоторые заметки о словенских партизанских песнях»; К. Пе-

¹ См. IV Международный съезд славистов. Отчет., М., 1960.

² Советским Комитетом славистов были изданы 3 сборника; «Славянское языковедение, Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов», М., 1963; «Славянские литературы, Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов», М., 1963; «История, фольклор, искусство славянских народов, Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов», М., 1963; Доклады украинских славистов изданы в Киеве отдельными брошюрами.

³ О ее работе см. В. Е. Гусев, IV Международный съезд славистов. Подсекция славянского народного творчества. «Сов. этнография», 1959, № 1.

⁴ Доклады Д. Антониевича, Д. Недельковича, а также доклады М. Барьяктаровича и О. Младенович (о которых сказано дальше) опубликованы в журнале «Народно стваралаштво», св. 7—8. Саопштење на V Међународном конгресу слависта, Београд јули — октобар, 1963.

нушлиски «Характер и происхождение македонских песен о народной освободительной борьбе». Эти доклады и сообщения дали представление о широте работы, проводимой по югославскому современному народному творчеству и раскрыли его основные черты: содержание, жанровый состав, особенности художественной формы, связи с традицией, роль рабочего фольклора и т. п.

Болгарские фольклористы собирают материал по современному состоянию традиционных фольклорных жанров. О результатах этой работы доложили Ст. Стойкова «Наблюдения над современным состоянием юнацкой эпической традиции в Болгарии» и Р. Ангелова «Современное состояние болгарских народных сказок, преданий и легенд»⁵. В Болгарии еще широко продолжает бытовать юнацкий эпос, в 1961 и 1962 гг. было записано в нескольких вариантах 150 сюжетов, главным образом Крали-Марковского цикла. Эпическая традиция особенно сильна в западной Болгарии, в смежных районах она значительно слабее, а в периферийных — юнацкие песни в песенном репертуаре занимают очень незначительное место. Р. Ангелова охарактеризовала современное состояние прозаических жанров болгарского фольклора и изменения, которые происходят в них сейчас под влиянием нового мировоззрения.

Принципиально новым в изучении современного фольклора явился доклад В. Е. Гусева (СССР) «Партизанская народная поэзия у славян в годы второй мировой войны». Автор впервые провел сравнительное изучение современного фольклора, что позволило установить как сходные черты, так и своеобразные особенности партизанских песен каждого народа. Такой метод исследования очень перспективен: он поможет более глубоко раскрыть общие закономерности развития народного поэтического творчества в современных условиях, а также ярче выявить его национальную специфику.

Доклады, посвященные современному фольклору, вызвали живой обмен мнениями. Выступавшие говорили о важности поднятых проблем, о необходимости уделять больше внимания процессам, происходящим в настоящее время в народном поэтическом творчестве. П. Динев (Болгария) при этом особо выделил доклад В. Е. Гусева, отличающийся новизной и широтой проблематики. Этот интересный и обстоятельный доклад, говорил И. М. Шептунов (СССР), вызывает раздумья, кое с чем хочется поспорить и это очень хорошо. Партизанскую поэзию важно изучить во всех аспектах, в частности, надо обратить внимание на использование в ней эпической традиции. Но сначала надо установить, что такое партизанская поэзия. Гусев четкого определения ее не дал. И. Коев (Болгария) говорил о партизанской поэзии как документе народной жизни. Особо остановился он на значении работ Д. Недельковича по современному фольклору и, в частности, по рабочей песне.

В. Е. Гусев, отметив большую работу по сборанию и изучению современного народного творчества в Югославию, также выделил труды Д. Недельковича, который исследует фольклор в связи с развитием общественно-экономических отношений и показывает все возрастающую роль рабочего фольклора. Принципиальное значение имеет также основанное на большом материале сообщение Ст. Стойковой о том, что устойчивая эпическая традиция в Болгарии в самых развитых районах (около Софии) заставляет пересмотреть сложившееся на основе русского материала представление о быстром затухании этнической традиции вблизи промышленных центров. Важность исследования современного состояния традиции подчеркнул и И. М. Шептунов. Он пожелал, чтобы болгарские ученые использовали и хранившиеся в Институте славяноведения АН СССР записи эпических песен, сделанные у болгар, живущих в СССР. П. Г. Богатырев (СССР) выразил пожелание, чтобы изучение судеб традиционного эпоса, имеющее большое значение, велось во всех славянских странах по единой программе, это даст сопоставимые материалы и не будут упущены некоторые важные моменты (например, особенности исполнения).

Ряд выступлений явился по существу дополнением к докладам. Р. Кацарова (Болгария) поделилась своими наблюдениями над музыкальной стороной современных болгарских песен. В Болгарии живет и эпический речитатив, который порою используется при создании новых песен. В. Помяновска (Польша) рассказала о польских партизанских песнях и их создании. Т. Живков (Болгария), указав на большое значение для болгарских фольклористов доклада К. Пенушлиски, охарактеризовал болгарские партизанские песни. О связях македонского и болгарского фольклора говорил и Г. Вайслюв (Болгария). В. Смолей остановился на процессе перехода индивидуального творчества в коллективное.

К. Горалек (Чехословакия) отметил две тенденции фольклорных явлений — постоянную изменчивость и ассимилирование и указал на важность изучения фольклорных явлений в пограничных областях.

На IV съезде одной из основных задач фольклористики было признано сравнительное историческое изучение славянского эпоса. После съезда в этом направлении ра-

⁵ Доклады Ст. Стойковой, Р. Ангеловой и Цв. Романской опубликованы в сб. «Славянска филология», т. V, София, 1963.

ботали как советские фольклористы, так и слависты других стран. Результаты проведенных исследований были частично доложены на V съезде.

Общим одобрением был встречен оглашенный М. Ф. Рыльский коллективный доклад украинских фольклористов (М. Ф. Рыльский, Г. С. Сухобрус, В. А. Юзвенко, В. О. Захаржевская) «Украинские думы и героический эпос славянских народов». Доклад поднимает важные проблемы, сказала Цв. Романска (Болгария); он свидетельствует о том, как много может дать метод сопоставления. Наглядно показана большая близость украинского и болгарского фольклора. Правильно сделали докладчики, положив в основу идейный смысл эпоса и показав его значение. Высокую оценку докладу дали также Хр. Вакарельский (Болгария), П. Г. Богатырев и др.

В докладе В. К. Соколовой (СССР) «О некоторых закономерностях развития историко-песенного фольклора у славянских народов» была сделана попытка установить основные этапы развития славянской исторической поэзии, выявить характерные для каждого периода общие типологические черты и национальное своеобразие, обусловленное конкретной историей каждого народа. Важность такого типа исследований подчеркнула М. Бошкович-Стулли (Югославия), которая предостерегла также от возможной схематизации процесса развития фольклора у разных народов. В сербохорватском фольклоре, например, гайдуцкие песни — эпические и по оформлению очень близки к юнацким.

Цв. Романска выступила с докладом «К вопросу об изучении происхождения, распространения, мотивов и развития эпоса о Крали Марко у южных славян». Она отметила, что сравнительно-историческое исследование эпоса славянских народов встречает значительные трудности, так как не изучены в достаточной степени эпосы отдельных народов. Сходство эпоса южных славян не подлежит сомнению, но необходимо выяснить, где и когда возникли песни, каковы их мотивы, как они развивались и распространялись. В таком плане докладчица рассматривает песни цикла о Крали Марко и намечает задачи их дальнейшего детального исследования.

Хр. Вакарельский (Болгария) в докладе «Демократические основы эпоса южных славян» обстоятельно проанализировал образы эпических героев, изображение в юнацком эпосе быта, материальной и духовной культуры, отраженное в нем мировоззрение, художественные особенности и условия его бытования. На основании этого анализа исследователь делает вывод, что юнацкий эпос демократичен по происхождению, тематике, композиции, стилю и бытованию. Одинаковый общественно-экономический строй, культурный уровень и политические судьбы народов Балканского полуострова в XIV—XV вв., особенно близких болгар и сербохорватов, обусловили распространение у них общих эпических сюжетов и героев.

Выступивший по докладу В. Велчев (Болгария) подчеркнул, что вопрос о демократизме эпоса — основа его изучения; это вопрос о происхождении эпоса, его смысле и особенностях. В. К. Соколова сказала, что доклад Хр. Вакарельского имеет принципиальное значение — только на основе такого всестороннего анализа эпоса можно говорить о его демократизме. О важности работы Цв. Вранской для дальнейшего сравнительного изучения героического эпоса южных славян говорили М. Арнаудов, И. М. Шептунов, В. К. Соколова.

К. Стиф (Дания) посвятил свой доклад ранним русским историческим песням⁶. Он отметил, что за последние годы в Советском Союзе появились серьезные исследования по историческим песням и капитальный свод «Исторические песни XIII—XVI вв.», которые вдохновляют на создание большой монографии. Одной из важных проблем является время возникновения исторических песен. Докладчик не согласен с Б. Н. Путиловым, относящим возникновение русских исторических песен к XIII в., по его мнению такие произведения, как «Авдотья Рязаночка» и баллады о татарских пленниках историческими песнями считать нельзя. Материал, включаемый в понятие «Исторические песни», может чрезвычайно разрастись и термин утратит специфичность, если отказаться от общепринятого определения, что историческая песня воспевает конкретные исторические события и исторических лиц.

Выступившая по докладу В. К. Соколова подчеркнула ценность работ К. Стифа по русским историческим песням. Она признала справедливым предостережение от чрезмерного расширения понятия исторические песни. Однако есть немало песен, стоящих как бы на грани между историческими и лирическими, и прежде чем исключить их из раздела исторических песен, надо выяснить особенности их историзма. Важно также проследить истоки и пути формирования жанра, чем и занимается Б. Н. Путилов, который сам свое исследование назвал не исторические песни, а историко-песенный фольклор.

О болгарских гайдуцких песнях доложил А. Шмаус (ФРГ).

Недостаточно изученным и спорным жанром остается до сих пор баллада. Между тем в фольклоре многих европейских народов баллады занимают значительное ме-

⁶ К. Стиф, Ранние русские исторические песни, «Scando-Slavika», IX. Copenhagen, 1963.

сто и не случайно они за последние годы начинают привлекать все большее внимание исследователей.

М. Браун (ФРГ) в докладе «К вопросу о сербохорватской народной балладе»⁷ говорил о важности установления комплексов, характерных для разных жанров. Дать определение такого сложного промежуточного лироэпического жанра, как баллады, можно только проанализировав все их разновидности и выяснив особенности отдельных вариантов. Поэтому докладчик для начала исследования ограничился балладами («женскими песнями») из сборника Вука Караджича, выяснив их характерные особенности и отличия от эпических юнацких песен.

Выступавшие в прениях, отмечая, что данная работа, как и другие исследования М. Брауна, отличается глубиной анализа и много дает для понимания особенностей баллады, в то же время указывали, что нельзя ограничиваться одним сборником Караджича и что баллады не являются только женскими песнями. М. Бошковиц-Стулли сказала, что баллады у югославов имеют эпическую форму не везде, а только в местах, где сильна эпическая традиция. Но там в эпические песни переходят также сказки и другие жанры. Поэтому нельзя определять балладу как эпическую песню с не юнацким содержанием. Е. Чубелич считает, что прежде чем говорить о различиях эпоса и баллады, надо уточнить термины: эпос славянских народов, героический эпос. Надо также учитывать структуру песни. П. В. Линтур (СССР) отметил, что в фольклоре народов, имеющих героический эпос и не имеющих его, баллады занимают разное место и играют разную роль, поэтому их следует различать. По мнению Н. И. Кравцова (СССР), для понимания особенностей жанра важно раскрыть характер образов и их психологической трактовки. В балладах мотивировка дается не так как в других жанрах, и в этом надо искать их специфику. Надо также уточнить понятие «лироэпический». Слабой стороной доклада М. Брауна Н. И. Кравцов считает отсутствие историзма — жанры можно рассматривать только в развитии. П. Г. Богатырев говорил, что при изучении баллады нельзя ограничиваться только национальными рамками. Некоторые сюжеты, о которых говорил докладчик, имеют широкое распространение. Так сюжет песни о Болеславе — общий для всех народов, боровшихся с турками. Сравнительное изучение поможет выяснить особенности жанра и закономерности его развития у разных народов. Р. Кацарова говорила о необходимости при определении жанра учитывать и музыкальную сторону.

П. В. Линтур свой доклад «Народные баллады Закарпатья и их западнославянские связи» построил на основе собранного им самим обширного материала (около 400 песен), опубликованного лишь частично. Все баллады исследователь делит на три группы: 1 — древнейшие с мифологическими мотивами, возникшие в период распада родового общества; 2 — возникшие в период феодализма; 3 — капиталистического периода. Баллады каждого периода отличаются по содержанию и художественным особенностям.

Выступившие по докладу Г. С. Сухобрус, П. Г. Богатырев, И. М. Шептунов отметили неутомимую работу П. В. Линтура по собиранию и изучению фольклора Закарпатья и ценность его собрания баллад. Однако предложенная им группировка сюжетов вызвала возражения. Трудно согласиться, что сюжеты «древнейшего пласта» возникли еще до разделения славян на три группы; многие из этих баллад — поздние, но в них использованы (как это было и в других жанрах) некоторые древние мотивы и поэтические образы. Наличие же у разных славянских (и неславянских) народов близких сюжетов и мотивов объясняется заимствованием или типологическим сходством.

Интересный этюд, посвященный одному эпическому сюжету, дал М. Поп (Румыния) — «К вопросу о происхождении и распространении темы мастера Манолы». Говоря об этом в докладе, М. Арнаутов отметил, что сюжет, анализируемый М. Попом, — жертва, принесенная при постройке, — распространен у всех балканских народов. Это балканская тема, рожденная на городской почве. Надо продолжить ее разработку, а также анализировать в таком плане и другие сюжеты.

Характеристике исполнителей эпоса посвящено было выступление В. Недича (Югославия) — «Слепа Живана — певец Вука Караджича».

Несколько докладов было посвящено прозаическим жанрам. В. Гашпарикова (Чехословакия) говорила о проблематике изучения народной сказки. Важную и сложную проблему «О региональных, национальных и интернациональных особенностях народных сказок» поставила в своем докладе М. Бошковиц-Стулли. Она рассмотрела различные взгляды, существующие по этому вопросу, и на некоторых примерах (сказки и предания о Марко Кралевиче и др.) проиллюстрировала, как интернациональные мотивы приобретают национальное и локальное своеобразие. Национальные особенности проявляются в сказках разных народов неодинаково; там, где давно существует устойчивая национальная общность, сказки постепенно также приобретают специ-

⁷ М. Braun, Zum problem der serbokroatischen Volksbalade. «Opera slavica», IV, Göttingen, 1963.

фический национальный облик; у народов, не имевших политического и культурного единства, сказки отличаются большим разнообразием. Своеобразие сказок чаще определяется не национальными, а более древними этническими особенностями, поэтому лучше в ряде случаев употреблять термин этнические, а не национальные.

Р. Ангелова отметила, что доклад М. Бошкович-Стулли, основанный на большом конкретном материале и собственных наблюдениях, интересен и для исследователей других народов. В Болгарии за последние годы собран значительный материал, позволяющий поставить и эту проблему.

К. В. Чистов (СССР) в докладе «Русские народные социально-утопические легенды» поставил задачей выявить основные типы легенд, выражавших социально-утопические идеалы русских крестьян XVII—XIX вв., установить особенности их содержания и художественной формы. Он выделяет три типа легенд: 1 — легенды о якобы бывшем когда-то «золотом» веке; 2 — легенды о «далекой», «справедливой» земле; 3 — легенды об «избавителе». Все они образуют особую область русского фольклора, тесно связанную с развитием народного мировоззрения и важнейшими политическими движениями крестьянства в XVII—XIX вв.

Цв. Романска говорила о важности изучения легенд. Не случайно существует международная комиссия, которая должна выработать принципы классификации легенд и составить их каталог. Утопические легенды — народная публицистика, они есть у всех славянских народов и имеют большое значение для изучения народного мировоззрения. Цв. Романска указала сходные мотивы о скрывающемся избавителе в легендах о Крали Марке, то же рассказывали о Христо Ботеве. По мнению Е. Огняновой (Болгария), доклад К. В. Чистова является серьезным опытом изучения еще не исследованного материала, продолжить который должны фольклористы всех славянских стран. Она высказала сомнение в правомерности термина «утопические легенды». Если иметь в виду болгарский фольклор, то можно говорить лишь об утопических элементах в легендах разного типа.

Общее признание получила работа Ю. Кржижановского (Польша) по систематизации и составлению указателей польских сказок, о которой он рассказал в докладе «Систематизация польских сказок»⁸. Результатом многолетнего труда явилось новое расширенное издание книги «Polska bajka ludowa w ukladzie systematycznym» (Wrocław, 1963), в котором описание сюжетов доведено до № 999 системы Аарне-Томпсона.

О ценности этих указателей и огромном труде, затраченном на них, говорили Р. Бртань (Чехословакия), М. Бошкович-Стулли, Хр. Вакарельский, Цв. Романска, П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев, К. В. Чистов. Сейчас ведутся поиски новых принципов систематизации сказок, — сказал В. Е. Гусев, — и работа Ю. Кржижановского идет в этом направлении. По мнению Цв. Романской, в докладе справедливо подвергнут критике С. Томпсон. Вместе с тем каталог должен быть не только перечнем, а должен давать и анализ произведений, раскрывать их сущность. Пока такой каталог создать не удалось, надо работать в этом направлении. М. Бошкович-Стулли в ответ на это сказала, что надо различать классификацию жанров и рабочее пособие. Указатель Антти Аарне, конечно, не дает классификации жанров и не раскрывает сути произведений, но это необходимое рабочее пособие, без которого исследователь сказок обойтись не может. Нужны и такие указатели.

В докладе Н. С. Мартиновича (Югославия) «Рабочий фольклор Югославии»⁹ рассматривалось развитие югославского фольклора от его зарождения до 1941 г. Докладчик выделил два периода — до 1918 и 1918—1941 гг., когда под влиянием Октябрьской революции в СССР и работы Коммунистической партии Югославии рабочий фольклор приобрел новое качество и стал играть важную роль в революционной борьбе народа. О. Младенович (Югославия) выступила с докладом «Коло как основная форма игр южных славян».

Несколько докладов было посвящено поэтике фольклора. Интересные наблюдения содержались в докладе К. Поллок (ФРГ) «Об употреблении метафор в народных лирических песнях балканских славян»¹⁰. Эпический стих рассматривался в докладе В. Харкинса (США) «О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском эпосе»¹¹. По мысли докладчика устойчивые эпические формулы образуют своеобразные метрические единицы, помогающие певцу сформировать стих былины.

К. В. Чистов, выступивший по докладу В. Харкинса, отметил плодотворность поставленной темы и, вместе с тем, формалистичность исходных утверждений, выдвину-

⁸ «Systematika bajki ludowej», в серии «Z polskich studiów slawistycznych», seria druga, Warszawa, 1963.

⁹ Нико С. Мартиновић, Раднички фолклор Југославије, Цетиње, 1963.

¹⁰ К. Н. Pollok, Zum Gebrauch der Metapher in den balkanslawischen lyrischen Volksliedern. «Opera slavica», IV, Göttingen, 1963.

¹¹ «American contributions to the fifth international congress of slavists». Sofia, 1963; Mouton and Co. The Hague, 1963, стр. 147—165.

тых в докладе (возможность анализировать стих былины, отвлекаясь не только от метрики, но и от смысла былинного стиха), которые привели докладчика к серии фактических ошибок и промахов.

В разных аспектах рассматривалась проблема взаимосвязи литературы и фольклора. Н. И. Кравцов в докладе «Роль народного эпоса в развитии сербской литературы» проследил связи сербской литературы с юнацким эпосом, начиная от письменности периода раннего феодализма до начала XX в., и показал различные формы и характер использования эпоса в разные исторические периоды писателями разных направлений и политических убеждений. О важности темы, разрабатываемой Н. И. Кравцовым, говорил М. Арнаудов. Кр. Генов (Болгария) отметил, что доклад, правильно ставящий и разрешающий вопрос о соотношении национальной литературы и фольклора, имеет большое методологическое значение.

Украинские фольклористы А. И. Дей, А. И. Зелинский, Р. Ф. Кирчев и Н. С. Шумада в докладе «Украинский фольклор в славянских литературах» привели материал, свидетельствующий о достаточно широком использовании украинского фольклора в русской, польской, чешской и болгарской литературах. Доклад красноречиво показал духовное общение славянских народов, и в этом его большая заслуга, сказал В. Вълчев (Болгария). В. Смоховска-Петрова (Польша), подчеркнув, что в докладе собран большой материал, говорила о необходимости продолжать работу в этом направлении. Она привела и дополнительные сведения об украинском и белорусском фольклоре в творчестве А. Мицкевича и других польских поэтов, об использовании украинских мелодий Ч. Чайковским и др. Р. Хексельштейдер (ГДР) говорил о необходимости продолжать исследование, распространив его также на неславянские народы, и привел примеры использования украинского фольклора в немецкой литературе. Сам Р. Хексельштейдер выступил с докладом «Немецкие освободительные войны и их влияние на распространение русской народной поэзии в Германии», в котором говорил о проникновении русского фольклора в немецкую литературу начала XIX в. П. Бринг (Швейцария), отметив интерес приведенных докладчиком материалов, сообщил еще о статье Нибура, рассказавшего о русских казаках и призывавшего к собиранию русского фольклора.

На литературно-фольклорные темы сделали также доклады и сообщения: Я. Кичимия (Румыния) — «О взаимосвязи литературы и фольклора», В. Латкович (Югославия) — «Является ли «Ліжєк јарости турска» целиком созданием Негоша?»; Б. Закржевский (Польша) «Силезская народная песня в собраниях периода романтизма»; Р. Триомф (Франция) «Темы весны в русской литературе (о взаимоотношениях литературы и фольклора)».

Председательствовавший на последнем заседании секции И. М. Шептунов отметил весьма плодотворную работу секции и поблагодарил хозяев за теплый и радушный прием.

Интересный разговор произошел на заседании издательско-текстологической комиссии, где обсуждался доклад К. В. Чистова «Современные проблемы текстологии русского фольклора». Собравшиеся здесь фольклористы говорили, что доклад представляет первый удачный опыт разработки проблем фольклорной текстологии, имеющей большое значение, и признали необходимым продолжать работу.

Следующее заседание комиссии, которое состоится весной 1964 г. в Белграде, намечено посвятить специально вопросам текстологии фольклора.

Этнографическая проблематика была представлена на съезде значительно слабее. Несомненный интерес для этнографов представляли отдельные доклады по диалектологии, топонимике и ономастике; некоторые исторические доклады, в частности доклад болгарских ученых Кр. Миятева и П. Петрова о ранних периодах истории болгар; доклад Ю. В. Бромлея (СССР) о сотне как общественной ячейке у южных и восточных славян и др. Докладов же по вопросам собственно этнографии почти не было.

На заседании, посвященном этногенезу славян, был заслушан доклад Т. Лерс-Славинского (Польша) «Конспект очерка этногенеза славян», в котором докладчик повторил свою теорию о прародине славян в районе Вислы и Одера. Эту же точку зрения развивал и Б. Мартынов (СССР) в докладе «Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одерской прародине славян». Развернутой дискуссии по проблемам этногенеза не было. Б. А. Рыбаков (СССР) указал, что далеко не все советские ученые, занимающиеся этногенезом славян, придерживаются гипотезы о висло-одерской прародине славян, и сослался на работы Ф. П. Филина, П. Н. Третьякова и других авторов, придерживающихся иных точек зрения на эту проблему. Б. А. Рыбаков считает, что следует вспомнить концепцию Л. Нидерле, которая представляется ему наиболее убедительной.

Специальное заседание подсекции было отведено проблемам славянской этнографии. Но собственно этнографии здесь было посвящено лишь одно сообщение директора Института этнографии Сербской Академии наук М. Барьяктаровича «Проблемы современной этнологии», в котором он рассказал о работе югославских этнографов. Сейчас проводится комплексное монографическое изучение оставшихся не исследован-

ными районами и этнических групп, ведется работа по отдельным отраслям материальной и духовной культуры, семейному и общественному быту, обычаям, религиозным пережиткам. В последние годы начинают все более глубоко изучаться изменения в материальной и духовной культуре и общественной жизни народа, происходящие под воздействием социальных и экономических преобразований; в двухлетнем плане института эта тема является основной. Этнографы все теснее связывают свои исследования с практикой социалистического строительства: изучаются быт и культура населения Колумбарского рудного бассейна (с целью выяснения перспектив промышленного развития района), проводятся работы в подлежащей затоплению зоне строительства гидроэлектростанции на Дунае; материалы и консультации этнографов используются при решении вопросов планового переселения и т. п.

На этом же заседании были заслушаны доклады: Ф. Лозинского (Канада) о происхождении названия города Киева и И. Ф. Белзы (СССР) «Музыкальная культура западнославянских народов, ее международные связи и мировое значение» (в докладе речь шла главным образом о профессиональной музыке).

Нельзя не выразить сожаления, что не состоялись подготовленные советскими этнографами доклады В. А. Александрова и С. А. Токарева «Основные проблемы славянской этнографии» и М. Г. Рабиновича «Историко-этнографический атлас «Русские» (принципы и методы составления)», которые были рассчитаны на широкое обсуждение затронутых проблем. Выступившая в прениях Р. Пешева-Попова (Болгария) говорила о значении этнографических исследований и отметила, что на съезде этнографическая тематика почти не получила отражения.

Следует отметить, что этнографическую тематику целесообразнее было бы объединить с секцией «Народное творчество», которое неразрывно связано с этнографией, создав в случае необходимости подсекцию.

На заключительном заседании 23 сентября В. Гергиев подвел краткие итоги работы съезда.

Следующий VI съезд намечено провести в 1968 г. в Праге.

В. К. Соколова

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО НА ПЕРВОЙ ИНДИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКЕ В МОСКВЕ

Первая индийская национальная выставка, открытая в июле 1963 г. в Выставочном павильоне парка культуры и отдыха «Сокольники», явилась ярким выражением расширения советско-индийских экономических и культурных связей. Она отличалась от тематической выставки индийских ремесел 1955 г. тем, что целью ее было, как писал министр международной торговли индийского правительства Манубхан Шах, «в сжатой форме дать советским друзьям некоторое представление об индийской жизни..., показать облик Индии на протяжении столетий..., дать представление о пройденном Индией пути за последние 16 лет после получения ею независимости..., связать народные традиции с современной развитой социальной жизнью»¹.

Выставка отразила, наряду с развитием индийской промышленности, изменениям в сельском хозяйстве, ростом народного благосостояния, повышением уровня образования и улучшением здравоохранения, новый этап в развитии индийского народного искусства, широко представленного в экспозиции.

Поставленная организаторами выставки задача — показать связь народных традиций с современной жизнью была особенно удачно решена в разделе народного искусства. Особым успехом у посетителей пользовалась экспозиция кустарных изделий, представлявшая большой интерес для этнографов и искусствоведов.

Изобразительное искусство было, в основном, представлено фотографиями древнеиндийской скульптуры, в том числе таких всемирно известных шедевров, как «Женщина, пишущая письмо» (X—XI в. Бхуванешвар, Орисса), скульптурная группа, изображающая влюбленных, из храмового комплекса Каджурахо (X в. н. э.), статуя Будды V века из Матхуры (Муттра, Северная Индия), прекрасная голова Будды школы Гандхара, отразившая влияние эллинистического искусства на индийское, и др. Внимание посетителей привлекали фигурки мужчины и мальчика из Мохенджо-Даро, относящиеся ко второму тысячелетию до н. э.

Из древней живописи, скупо представленной, запоминались воспроизведенные на полотне фрагменты фресок Аджанти — настенной росписи скальных храмов буддийской эпохи (центральная Индия, V—VII вв.).

¹ Индия. [Брошюра, выпущенная Министерством информации и радиовещания для Министерства торговли и промышленности Правительства Индии. На рус. яз. Нью-Дели, 1963], стр. 1.